О-785344

На правах рукописи

Маремкулов Арсен Нажмудинович

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVIII – XIX вв.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

ЦЕНТР ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КГУ

Ростов-на-Дону
2005

Диссертация выполнена на кафедре теории и истории права и государства Ростовского юридического института Северо-Кавказской академии государственной службы.

Научный консультант: заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Шапсугов Дамир Юсуфович**

Официальные оппоненты: заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Мулукаев Роланд Сергеевич**

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ
0000730249

заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Марченко Михаил Николаевич**

доктор юридических наук, профессор **Момотов Виктор Викторович**

Ведущая организация: Ростовский государственный университет

Защита состоится 2 декабря 2005 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета ДМ 502.008.01 СКАГС по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 70.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке СКАГС

Автореферат разослан «31» октября 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета **Ю.Р. Догадайло**

0-785344

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Северный Кавказ – уникальный регион по своей истории, самобытной культуре, полиэтничности и полирелигиозности, традициям, природно-климатическим условиям, географическому, стратегическому положению. Он всегда был естественным мостом между Европой и Азией, контактной зоной исламской и христианской цивилизаций, что делало его объектом столкновения интересов великих держав, каждая из которых с учетом конкретных исторических условий стремилась разработать и реализовать собственную политическую стратегию в регионе.

Россия с давних пор проводила активную деятельность, направленную на освоение Северного Кавказа, стремилась включить этот важный регион в сферу своих интересов. Особый размах проводимая политика приобрела в XVIII–XIX вв., когда в основном были достигнуты ее стратегические интересы и Северный Кавказ стал территориальной частью России.

Этот период характеризуется не только активными военными действиями и дипломатическими усилиями, но и серьезной разработкой юридических механизмов, посредством которых реально проявлялась и проводилась в жизнь политика российской самодержавной власти.

Анализ источников, относящихся к данной теме, позволяет сделать вывод о том, что на протяжении отмеченного выше периода в России практически была создана особая нормативная юридическая система, обеспечивавшая процесс присоединения Северного Кавказа к России. Она отражала изменяющиеся социальные обстоятельства, реагировала на происходящие процессы, стала особым инструментом, с помощью которого регламентировался ход исторических событий.

Эта система стала обобщением богатейшего опыта освоения великой державой стратегически важного региона мира. Она продемонстрировала реальные возможности, сосредоточенные в юридическом воздействии, на ход общественных процессов.

Отсюда становится понятным интерес к исследуемой в данной работе проблеме. Он обусловлен необходимостью познания всей

системы юридических средств, использованных в рамках отмеченного исторического опыта, представляющего собой важнейший этап в развитии российской правовой системы.

К сожалению, отечественная историко-правовая наука не отличается широким спектром подобного рода исследований. Существующий серьезный пробел в исследовании истории отечественного права и государства должен быть восполнен.

Непредвзятый анализ исторического прошлого необходим не только для выяснения степени соответствия использовавшихся юридических средств конкретным условиям времени, но и для того, чтобы не повторять допущенных ранее ошибок и учесть положительный опыт.

Изучение юридических форм, имевших место в прошлом, позволяет проследить не только процесс их развития, но увидеть влияние на них объективных и субъективных факторов в конкретно-исторических условиях. Необходимо отметить, что в различные периоды это влияние отличалось своими специфическими чертами.

Юридические формы, которые использовались самодержавием, наиболее полно и точно отражают содержание политики Российской империи, которая была направлена на освоение Северного Кавказа в XVIII–XIX вв., поскольку именно в них определялись характер и масштабы конкретных действий по ее осуществлению.

Рассматривая акты, как основную юридическую форму, необходимо выделить их особенности. Так, имперские акты, помимо норм, могли содержать в себе как положения обычного права (или ссылку на него), так и ссылку на судебное решение. Именно это сочетание, переплетение являлось одной из специфических черт юридических форм политики России на Северном Кавказе.

На наш взгляд, особое внимание должно быть уделено обычному праву. Подобный подход позволяет выявить как пласт отношений, которые царское самодержавие считало необходимым регулировать посредством обычного права, так и превращение обычного права в инструмент осуществления имперской политики в регионе.

Обозначенные способы регулирования отношений позволяют судить об эффективности приемов царского самодержавия в ходе освоения Северного Кавказа, раскрывая такие вопросы, как пределы действия обычного права в рамках акта; трансформация (в частности, деформация) обычного права при его сочетании с государст-

ФГАОУ ВПО КФУ «КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ОГРН 1021602841391
Научная библиотека
им. Н.И. Лобачевского

венными актами; влияние включения положений обычного права в акты, издававшиеся самодержавной властью, на ее авторитет среди местного населения.

Отмеченное выше, с учетом специфики, можно отнести и к другим юридическим формам политики царского самодержавия в регионе, которые также находили свое отражение в актах (судебное решение, договор).

Акты самодержавной власти помогают представить общую картину положения в регионе, увидеть и сопоставить цели и средства проводившейся политики. Вместе с тем именно эти акты позволяют, как никакие другие документы, проследить изменения, происходившие у народов Северного Кавказа в ходе осуществления политики царской России, и раскрывают конкретное содержание планов освоения северокавказского региона.

В этой связи особое значение приобретают вопросы классификации и юридической технологии разработки и реализации актов Российской империи. Классификация актов способствует изучению целого ряда вопросов ее политики на Северном Кавказе: приоритеты в политике Российской империи и место Северного Кавказа в геополитических устремлениях самодержавия; отношение местного населения к проводимой политике, их реакцию на использование военных и мирных способов освоения региона.

Юридическая технология разработки и реализации актов позволяет, прежде всего, с учетом хронологических рамок исследования, проследить процесс формирования акта, а вместе с этим и качество принимаемых решений.

Таким образом, изучение политики российского государства, ее закрепление и осуществление посредством исследования юридических форм, может быть принято как один из весьма важных, но нереализованных подходов изучения истории народов Северного Кавказа. Этот подход вполне совместим с другими подходами, а главное позволяет не сводить трактовку исторических событий к исключительно «политической позиции».

Степень изученности проблемы. Для научных работ по истории освоения Российской империей Северного Кавказа были характерны разные, концептуально отличавшиеся друг от друга, подходы.

Так, М.Н. Покровский, поставив во главу угла реакционную сущность царской России, полагал, что политика российского государства на Северном Кавказе была завоевательной, а борьбу

горцев рассматривал как антиколониальную и антифеодальную.

В начале 50-х гг. приоритет в вопросах изучения получила так называемая «багировская теория», которая рассматривала движение горцев как реакционное, инспирированное извне. Данная точка зрения подверглась справедливой критике на проходивших в 1956 г. в г. Махачкале, затем в г. Москве конференциях.

Далее в изучении политики российского государства на Северном Кавказе наступает период, когда появляются работы, освещающие вопросы политического, социально-экономического и культурного развития народов Северного Кавказа (В. Г. Гаджиев, Т. Д. Боцвадзе, С. К. Бушуев, Н. А. Смирнов, Т. Х. Кумыков т.д.).

Специфической чертой этих работ является то, что они в большей степени укладывались в концепцию «добровольного вхождения народов» Северного Кавказа в состав Российского государства.

Вместе с тем необходимо отметить, что именно в этот период был введен в научный оборот большой архивный материал.

На современном этапе усилия ученых-кавказоведов устремлены к объективному освещению событий на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.

Изучение вопросов политики Российской империи на Северном Кавказе можно проследить в работах: Я.З. Ахмадова, А.Х. Бижева, М.М. Блиева, В.Б. Виноградова, В.Г. Гаджиева, К.Ф. Дзамихова, В.Д. Дзидзоева, В.В. Дегоева, Х.М. Думанова, А.Х. Касумова, Т.Х. Кумыкова, Г.Х. Мамбетова, В.А. Матвеева, Т.В. Половинкиной, А.Д. Панеш, Н.А. Сотавова, В.В. Черноуса и многих других.

На сегодняшний день существуют две противоположные точки зрения в оценках событий, имевших место на Северном Кавказе.

Одни исследователи убеждены, что Северный Кавказ оказался в жерновах геополитических замыслов России (В.Г. Гаджиев, Т. Х. Кумыков, Н.А. Сотавов, Я.З. Ахмадов, А.Х. Касумов, Г.Х. Мамбетов, А.Х. Бижев, В.Ф. Патрокова, В.В. Черноус).

Обозначенный подход получил отражение на международных конференциях, проходивших в Махачкале и Нальчике, а также на Кошехабльском форуме [1].

---

[1] Черкесия в XIX веке. Майкоп, 1991; Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994; Кавказская война: спорные вопросы, новые подходы. Махачкала, 1998.

Другие исследователи полностью отрицают геополитический фактор и основную причину освоения Северного Кавказа видят в набеговой системе горцев. (М.М. Блиев, В.В. Дегоев, В.Б. Виноградов, В.А. Матвеев).

В силу разных причин научный анализ юридического механизма, нормативной юридической системы, действовавших в процессе освоения Северного Кавказа Россией в XVIII–XIX вв., до сих пор не проведен. Между тем, именно такой анализ может дать наиболее четкую и полную информацию о замыслах царского самодержавия, его конкретных целях и задачах, а также способах их достижения.

В ходе изучения выдвинутой проблемы первостепенное теоретическое и практическое значение имеют вопросы понятия форм и источников права. От понимания этих правовых явлений зависит раскрытие ряда вопросов, которые отражают новые грани изучения политики российского самодержавия на Северном Кавказе.

Вопросы, связанные с изучением форм и источников права, были предметом исследования в дореволюционной юридической литературе. Так, Л.И. Петражицкий считал, что единого подхода к пониманию источника права нет, а Г.Ф. Шершеневич отмечал, что, в силу многозначительности, термин источник права «малопригодный»[1].

Несмотря на значительные разработки в советский период, этот вопрос также оставался спорным и, как образно выражался С.Ф. Кечекьян, принадлежал к числу наиболее неясных в теории права[2].

В настоящее время единого подхода также не наблюдается. Попрежнему в теории права значительное место занимает дискуссия о правильности использования терминов «форма права» и «источник права». Одни авторы отождествляют эти два понятия, другие видят в них различия. Эти и многие другие вопросы стали предметом дискуссии на конференции, проходившей в г. Сочи в 2003 г.

Проблемы, связанные с изучением форм и источников права, нашли отражение в трудах таких ученых-правоведов, как: Н.Г. Алек-

---

[1] *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. С. 512–513; *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права М., 1911. С. 368.

[2] *Кечекьян С.Ф.* О понятии источника права.//Ученые записки МГУ. М., 1946. Вып. 119.

сандров, С.С. Алексеев, М.Н. Байтин, А.М. Васильев, А.И. Денисов, И.А. Иванников, Д.А. Керимов, С.Ф. Кечекьян, В.А. Кулапов, А.В. Малько, Г.В. Мальцев, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов, В.В. Момотов, Л.А. Морозова, А.А. Мясин, В.Н. Хропанюк, Д.Ю. Шапсугов, А.Ф. Шебанов и других.

Авторы, отождествляющие понятия формы права и источника права, полагают, что форму можно рассматривать в качестве «юридического» источника права или в виде «способа выражения государственной воли», «способа установления правовых велений» (М.И. Байтин, А.И. Денисов, В.Н. Хропанюк, А.А. Мясин).

Другие авторы подходят к решению проблемы с позиции полного несовпадения этих понятий (В.А. Кулапов, И.А. Иванников, Л.А. Морозова и др.). Так, Морозова Л.А. отмечает, что в качестве источников права могут выступать не форма внешнего выражения, а те социальные факторы и явления действительности, которые служат базой (фундаментом) процесса зарождения правовых норм, из чего государство черпает объективное право. Подобной точки зрения придерживаются С.В. Бошно и И.А. Иванников.

Интересным по содержанию является мнение В.А. Кулапова о том, что понятия «форма права» и «источник права» тесно взаимосвязаны, но не совпадают. Исследователь объясняет это различие тем, что «форма права» показывает, как содержание права организовано и выражено вовне, а «источник права» - истоки формирования права, систему факторов, представляющих его содержание и формы выражения. Как видно, В.А. Кулапов раскрывает как различие понятий «форма права» и «источник права», так и их связь. Поддерживая эту точку зрения, добавим от себя, что указанные понятия не только взаимосвязаны, но и дополняют друг друга. Подобное взаимодополнение можно проследить на различных этапах развития общества, определить объективные и субъективные факторы, которые послужили причиной появления различных форм и источников права.

В этой связи весьма важно отметить, что «нельзя не учитывать исторический аспект процесса формирования и развития представлений о формах и источниках права, которые по мере эволюции государства и права вместе с самими источниками постоянно изменяются, развиваются и совершенствуются»[1].

---

[1] *Марченко М.Н.* Источники права. М., 2005. С. 4.

Выделяя данное положение, М.Н. Марченко оригинальным образом сводя воедино и выделяя специфику рассматриваемых правовых явлений, делает весьма ценный вывод, согласно которому в одних отношениях форма и источник могут совпадать друг с другом и рассматриваться как тождественные, в то же время в других отношениях они могут значительно отличаться друг от друга и не могут считаться тождественными. Автор отмечает, что совпадение формы и источника права имеет место тогда, когда речь идет о вторичных, формально-юридических источниках права. Что же касается первичных источников права, рассматриваемых в виде материальных, социальных и иных факторов, оказывающих постоянное влияние и предопределяющих процессы правообразования, правотворчества, то здесь совпадения источников права с формами права нет и не может быть.

На наш взгляд, предложенный подход является достаточно универсальным, т.к. позволяет четко проследить как взаимозаменяемость, так и различие этих понятий.

Изучение вопросов форм и источников права самым тесным образом связано с пониманием права. И здесь в ряду сложных и в то же время актуальных вопросов можно выделить проблему соотношения права и закона.

При рассмотрении этого вопроса с точки зрения понимания сути и назначения права, перед исследователем встает ряд проблем, и «эта, на первый взгляд теоретическая проблема приобретает практическое значение»[1].

Необходимо отметить, что исследователи отмечают наличие этой проблемы и необходимость ее решения. Вместе с тем, ряд исследователей считает, что попытки провести разграничение права и закона необоснованны, «оторваны от реальной жизни схоластическим методом научного спора»[2].

Полагаем, что этот вопрос имеет много положительного в актуализировании проблем, связанных со стремлением «построить правопорядок на фундаменте как можно более надежных, четких и

---

[1] *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права М., 2001. С. 342.

[2] *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов 2001. С. 96.

полных знаний о его (определении права. – *А.М.*) сущности, предмете правового регулирования»[1].

При подобной постановке вопроса интересным является стремление к разграничению права и закона путем введения в научный оборот понятия «нормативно-юридическая система». Введение его в научный оборот Д.Ю. Шапсугов обосновывает тем, что «в юридических нормах и установлениях, исходящих от государства, как это показывает история любого народа, могут воплощаться не только собственно права, но и юридические обязанности, а также произвол правящих сил в данном обществе, если только эти силы получают возможность легализовать и навязать ему свою частную, а не согласованную волю всего общества»[2].

Объектом диссертационного исследования является политика российского государства на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв., а **предметом** – юридические формы ее закрепления и реализации.

Диссертационное исследование ограничено **географическими** и **хронологическими** рамками. В географических рамках исследуется территория Северного Кавказа, а также по мере проведения параллелей в изучении поставленных задач затрагиваются сопредельные регионы (южные рубежи Российского государства). Хронологические рамки исследования определены серединой XVIII – 1864 г., периодом наиболее активных действий царского самодержавия в регионе. В работе выделяются три этапа освоения региона: начальный (1769–1825); основной (1825–1859) и окончательный (1859–1864). Начальная грань хронологических рамок определяется планомерным захватом Кабарды (строительство крепости Моздок, битва на р. Эшкакон), а конечная грань – окончательным освоением Северного Кавказа. Вместе с тем, специфические особенности геополитических притязаний России на Северный Кавказ позволяют нам исследовать подготовительные мероприятия, проводившиеся самодержавием в первое половине XVIII в.

Целью диссертационного исследования является определение системы конкретных юридических форм, в которых получила свое официальное закрепление политика Российской империи, направ-

---

[1] *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 3.

[2] *Шапсугов Д.Ю.* Проблемы теории и истории власти, права и государства. М., 2003. С.486.

ленная на освоение Северного Кавказа в XVIII–XIX вв., их классификация, выявление юридических технологий их практического осуществления.

Исходя из поставленной цели, в диссертации определяются следующие **задачи**:

1. Раскрыть объективное содержание политики Российской империи на Северном Кавказе посредством исследования юридических форм ее закрепления и осуществления, выявить их состав и особенности.

2. Разработать критерии и дать классификацию актов органов государственной власти Российской империи, исследовать юридические технологии их разработки и осуществления.

3. Выявить способы освоения региона, основные формы и методы реализации политики Российской империи на Северном Кавказе, получившие отражение в актах.

4. Определить правовые механизмы и особенности нормативно-юридической системы, положенные в основу способов освоения региона.

5. Раскрыть особенности способов регулирования отношений в ходе осуществления политики освоения Северного Кавказа.

6. Проследить влияние актов Российского государства на обычное право и другие традиционные институты народов Северного Кавказа и характер их применения на различных этапах.

7. Выявить закрепленные в юридических формах разновидности адаптации местного населения к российскому законодательству.

8. Определить закрепленные в имперских актах способы деконцентрации власти.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют принципы, приемы, методы, которые характерны для историко-правовой науки: объективность, превалирование исторических фактов над концепцией и критическое отношение к источникам.

Работа над диссертационным исследованием преимущественно опиралась на сравнительный, системный, исторический и формально-юридический методы.

Сравнительный метод применяется при анализе актов царской власти в различные периоды освоения Северного Кавказа. Системный подход позволил рассмотреть эти акты в комплексе, а также выявить их особенности. Исторический метод позволил рассмот-

реть становление и развитие нормативной базы осуществления политики России на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. Формально-юридический метод преимущественно применялся при анализе конкретных актов, посредством которых осуществлялось освоение Северного Кавказа.

Научная новизна. Предлагаемая диссертация является, по сути дела, первым комплексным исследованием юридических форм политики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв., представляющим собой новое направление в исследовании проблем освоения Северного Кавказа Российским государством. Представленное направление, основывающееся на современном понимании права, разграничении права и закона, на анализе юридических форм политики Российской империи на Северном Кавказе, учитывает особенности воздействия принимаемых актов на традиционные общественные институты, а также разновидности адаптации народов Северного Кавказа к российскому законодательству.

Новизна исследования проявляется также во введении в научный оборот новых архивных материалов, включающих акты, посвященные освоению Российской империей Северного Кавказа.

Авторский подход определил наиболее существенные **результаты исследования, выносимые автором на защиту, в которых впервые обосновываются или по-новому раскрываются и аргументируются следующие положения**:

1. Под юридической формой следует понимать элемент нормативно-юридической системы, обобщенно отражающий способы закрепления юридических установлений и юридических норм-правил, посредством которых организуется юридическая деятельность по реализации политики, проводимой государственной властью.

Раскрытие содержания политики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. посредством исследования юридических форм может быть принято как один из весьма важных, но нереализованных подходов изучения истории отечественного права и государства.

2. Основной юридической формой закрепления и реализации политики царского самодержавия были акты, наглядно позволяющие увидеть и сопоставить цели и средства осуществляемой политики, а

также раскрывающие конкретное содержание планов царской России по освоению северокавказского региона.

3. Классификация актов по таким критериям, как инициатор издания акта, субъект нормотворчества, адресат, процедура подписания, сфера действия (территория), характер регулируемых отношений, метод регулирования, позволяет раскрыть не только общие признаки, свойственные актам на всех иерархических уровнях, но и выявляет индивидуальные черты, присущие актам, которые в итоге отражали нюансы проводимой политики.

Предложенные классификации актов позволяют четко определить приоритеты в политике Российской империи, место Северного Кавказа в геополитических устремлениях самодержавия, а также отношение местного населения к проводимой политике, его реакцию на использование военных и мирных способов освоения региона.

4. Под юридической технологией нормотворчества понимается процесс использования совокупности средств и методов, позволяющих в соответствии с поставленной целью с максимальной ясностью и эффективностью формулировать акт, где под «ясностью» понимаются логичность изложения, доступность языка, четкая структура, а под «эффективностью» – исполнение норм путем закрепления действенного механизма контроля.

Подобный подход, сочетающий в себе как инструментальную составляющую, так и содержательную направленность, позволяет проследить процесс формирования акта и качество принимаемого решения.

5. В актах четко просматриваются два способа освоения Северного Кавказа: **мирный и военный**.

Акты, закреплявшие мирные способы освоения региона, как правило, были обращены к самому населению и содержали рекомендательные, поощрительные способы воздействия. Акты, закрепляющие военные способы освоения, адресовались представителям самодержавия на местах (как правило, военному командованию), носили императивный характер и закрепляли расплывчатые формулировки, позволявшие применять акт по личному усмотрению.

6. На всех уровнях иерархии рассматриваемых актов прослеживается уникальность сочетания императивных и поощрительных способов воздействия на субъекты отношений (как адресованных

своим представителям в регионе, так и народам Северного Кавказа). Преобладание одного из способов позволяет судить о прочности позиции самодержавия в регионе в тот или иной период.

Проведенное исследование позволяет в динамике увидеть переход от «точечного» к комплексному регулированию отношений, что отражается в переходе от широкого использования административных предписаний к закреплению в актах общих правил поведения (юридических норм-правил).

Отличительной особенностью актов (за исключением случаев, отраженных в грамотах Е.И.В., инструкциях и прокламациях представителей царского власти на местах) является то, что они в основной своей массе обращены к представителям администрации в регионе, а не к народам, его населяющим.

7. Изученные материалы показывают, что отношение к местному населению определялось его восприятием проводившейся царизмом политики. Часть населения, которая не поддерживала мероприятия самодержавия, принуждалась силой. Другая же, согласная с политикой российских властей, получала «защиту и покровительство» российской короны.

Красной нитью в актах прослеживается стремление самодержавия поддержать противоречия между владельцами (князьями) и зависимым населением.

8. Обычное право в актах выступает в роли инструмента реализации политики, направленной на освоение Северного Кавказа. Стремление применить адаты в актах государства прослеживается на всех этапах освоения региона. Анализ архивных материалов свидетельствует, что игнорирование в актах уклада народов, населяющих регион, приводило к тому, что адаты, становясь частью акта, трансформировались и теряли главные качества – обязательность и непререкаемый авторитет. В частности, происходила трансформация такого института народов Северного Кавказа, как аманатство. Этот институт активно использовался царизмом для поддержания должного поведения горцев по отношению к проводимой политике.

9. Адаптация местного населения к российскому законодательству осуществлялась посредством:

а) использования наряду с обычным правом положений российского законодательства;

б) применения «временных изъятий» из действующего российского законодательства.

в) прямого применения российского законодательства;

10. Широкое распространение, в ходе политики проводившейся царским самодержавием, получила деконцентрация власти, выразившаяся в передаче полномочий от первого лица государства, высших и центральных органов власти их представителям на местах. Последним предоставлялась большая самостоятельность, позволявшая предусматривать нюансы регулируемых вопросов. Однако архивные материалы свидетельствуют, что подобный подход не всегда приводил к положительному результату, поскольку исполнитель нередко искажал суть акта при решении того или иного вопроса.

Эмпирическая база исследования. В основу исследования легли архивные материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального государственного архива древних актов (Российского государственного архива древних актов) – (ЦГАДА – РГАДА), Архива внешней политики России (АВПР), государственного архива Ставропольского края (ГАСК), Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР), Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО–Алания).

Помимо этого, особого внимания также заслуживают многочисленные материалы, свидетельствующие об исполнении этих актов. Они представляют собой документы официального делопроизводства: рапорты, донесения, отношения, а также другие исходящие и входящие документы царской администрации на местах.

Здесь же необходимо выделить Акты Кавказской Археографической комиссии, где сосредоточено большое количество документов. Они помогли по-новому высветить акты центральных органов власти и акты представителей царского самодержавия на местах.

Бесценным в ходе исследуемого вопроса является Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). ПСЗРИ является, по сути дела, главным источником по изучению политики, проводившейся в регионе, где затрагиваются самые различные аспекты социально-экономической и политической жизни народов Северного Кавказа. Выборка актов, посвященных Северному Кавказу, проли-

вает свет на основные формы и методы реализации политики царской России в рассматриваемый период.

Необходимо отметить, что большое количество актов опубликовано в сборниках документов[1].

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что полученные результаты могут стать определенным вкладом в научную разработку проблем истории отечественного государства и права, а также проблем теории государства и права. Практическая значимость работы заключается в использовании ее выводов по совершенствованию форм и методов реализации политики на Северном Кавказе в современных условиях.

Предложенный подход к исследованию политики России посредством изучения юридических форм может стать основой для объективного анализа событий, происходивших в регионе в XVIII–XIX вв. Изучение актов позволяет создать объективную информационную базу для оценки реально проводимой политики. Юридические акты в полной мере отражают деятельность по реализации политики, наиболее ярко проявляя ее содержание.

Выводы, сформулированные в диссертационном исследовании, могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории народов Северного Кавказа, а также для дальнейшего ис-

---

[1] Материалы по истории Осетии. Орджоникидзе, 1933; Материалы по истории русско-грузинских отношений в половине XVIII века. Тбилиси, 1968; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957; История Юго-Осетии в документах и материалах (1800–1864 гг.) Сталинир, 1960; Русско-осетинские отношения в XVIII в. Орджоникидзе, 1976; Русско-дагестанские отношение в XVIII – начале XIX вв. М., 1988; Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII вв. Махачкала 1958; Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) Нальчик, 2000; Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX вв. Майкоп, 1997; Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Нальчик, 1996; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Махачкала, 1959; Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70 гг. XIX в.). Нальчик, 2001.

следования юридических вопросов освоения Российским государством северокавказского региона.

Основные положения диссертации могут быть применены в учебном процессе, и, в первую очередь, при разработке курсов по истории государства и права народов Северного Кавказа.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование дважды обсуждалось на кафедре теории и истории права и государства Ростовского юридического института Северо-Кавказской академии государственной службы, кафедре общеюридических дисциплин Нальчикского филиала Краснодарской академии МВД России и кафедре теории и истории государства и права юридического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета.

Основные выводы, предложения были изложены на всероссийских научных и научно-практических межвузовских конференциях, в частности:

– Северо-Кавказской региональной научной конференции «Перспектива-98» г. Нальчике в 1998 г.;

– Общероссийских конференциях Российской академии юридических наук, проходивших в г. Москве в 2000, 2001, 2002 гг.;

– Всероссийской научной конференции «Модернизация Российской государственности начала XXI века» в г. Ростов-на-Дону в 2004 г.;

– Всероссийской научной конференции «Перспектива 2005» в г. Нальчике в 2005 г.;

– Всероссийской научной конференции «Правосудие как институт обеспечения прав и свобод человека и гражданина» в г. Нижний Новгород в 2005 г.

На протяжении 1998–2005 гг. автор являлся одним из разработчиков и членов рабочих групп по составлению планов мероприятий, посвященных окончанию Кавказской войны, ежегодно утверждаемых Правительством Кабардино-Балкарской Республики, где были использованы научно-методические рекомендации и выводы настоящего диссертационного исследования.

Автор принимал участие в обработке архивных материалов, составивших сборник архивных документов «Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи

(20–70-е гг.)» (составитель Т.Х. Кумыков) Нальчик, 2001 г., куда наряду с документами официального делопроизводства (рапорты, донесения, доношения) вошли акты представителей царской власти на местах.

В настоящее время результаты диссертационного исследования используются в преподавании учебных дисциплин «История государства и права России», «История государства и права России и зарубежных стран», «История государства и права Кабардино-Балкарской Республики», «Отечественная история», в Нальчикском филиале Краснодарской академии МВД России и на юридическом факультете Кабардино-Балкарского государственного университета.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** диссертации обосновывается актуальность темы исследования, определяются цели и задачи, объект и предмет, хронологические и географические рамки работы, выделяются источники и степень изученности проблемы, отмечается научная новизна, рассматриваются теоретическая и практическая значимость исследования, методологическая основа работы, формируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов диссертационного исследования.

В первой главе – **«Теоретические основы исследования юридических форм политики Российского государства на Северном Кавказе XVIII–XIX вв.»** – раскрываются цели и задачи исследования: взаимосвязь и соотношение права и политики; форма и источники права; классификация и юридическая технология актов.

Проблема сочетания права и политики привлекает к себе особое, пристальное внимание. По образному выражению Н.М. Матузова, вопрос о взаимодействии права и политики принадлежит к числу актуальных и «остросюжетных»[1].

---

[1] *Матузов Н.И.* Право и политика в их взаимодействии // Российская правовая политика. М., 2003. С. 28.

Особая актуальность этого взаимодействия объясняется тем, что и право, и политика напрямую затрагивают интересы различных социальных групп и тем самым влияют на развитие общества в целом. Здесь же необходимо отметить, что взаимосвязь, а вместе с этим и соотношение этих двух явлений всегда отвечают «духу времени» и отражают происходящие события в обществе.

За основу берется положение, согласно которому политические отношения в обществе выстраиваются на основе двух типов: конфликта и согласия. При конфликтном варианте имеет место преодоление (а при крайних формах – ликвидация) определенной группы интересов, а при варианте согласия наблюдается гармоничное сочетание интересов сторон.

Подобный подход к изучению нормативной юридической системы, наглядно показывающей процесс освоения Северного Кавказа Россией в XVIII–XIX вв., позволяет выявить сферы общественных отношений, которые имперская власть регулировала без учета мнения местного населения, а также выделить сферы, где его интересы полностью или частично учитывались. При наличии согласия сторон необходимо учитывать не только общность интересов, но и признание специфических особенностей участников процесса.

В работе приводятся конкретные акты, в которых отражалась политика царского самодержавия на Северном Кавказе. В тех случаях, когда интересы местного населения учитывались, оно воспринимало политику проводимую Российской империей. Когда применялись военные способы, интересы местного населения игнорировались. И это негативно отражалось на последующих мероприятиях, которые имели вполне мирный характер, учитывающий специфику народов, населяющих регион.

Такой подход позволяет определить эффективность достигнутых результатов, не только первоначальных, но и долговременных.

Политика самодержавия на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. представлена огромным количеством актов. Анализ этих актов позволяет выявить цели и средства проводимой политики, а главное ее результаты. Комплексное изучение этих моментов позволяет определить основные направления политики царской России на Северном Кавказе, взвесить все плюсы и минусы нормотворческой деятельности.

Цели политики России в регионе, как правило, определялись в преамбуле и в постановляющей части рассматриваемых актов.

Вместе с тем, в имперских актах содержались положения, закрепляющие средства освоения Россией Северного Кавказа. Изучение актов позволяет выделить характерные признаки средств имперской политике в регионе. Во-первых, несмотря на использование одних и тех же средств, они постоянно совершенствовались. Во-вторых, многие из применявшихся средств были универсальными. Они отражали интересы России и в тоже время учитывали интересы горцев.

При исследовании форм и источников права во главу угла ставится изучение юридических традиций, истоков развития правовой системы. Говоря о понятии «юридическая форма», выделяются следующие моменты:

во-первых, юридическая форма в полной мере отражает реальность, сложившуюся в обществе. Здесь особое значение приобретают исторические аспекты, которые позволяют не только выявить формирование, развитие юридической формы, но проследить влияние на нее объективных и субъективных факторов. Причем на каждом историческом этапе это влияние имеет свои специфические черты, «которые отличают один период от другого»[1];

во-вторых, воздействие факторов (как объективных, так и субъективных) существенно влияет на юридические формы, которые находятся в постоянной динамике и развиваются вместе с обществом;

в-третьих, рассматривая понятие юридической формы можно констатировать, что она содержит наряду с правом и неправовые положения, которые закрепляют произвол, безответственность, доминирование частных интересов над общественными.

Под юридической формой, автор понимает элемент нормативно-юридической системы, обобщенно отражающий способы закрепления юридических установлений и юридических норм-правил, посредством которых организуется юридическая деятельность по реализации политики, проводимой государственной властью.

Акты органов государственной власти, помимо общих норм, со-

---

[1] *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М., 2004. С. 2.

держат в себе как положения обычного права (или ссылку на него), так и ссылки на судебные решения. Это сочетание характерно для юридических форм политики России на Северном Кавказе.

Важное значение при изучении юридической формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. имеют классификация и юридическая технология актов.

В исследовании рассматриваются как объективные, так и субъективные стороны классификации актов органов государственной власти Российской империи.

Рассматривая традиционные классификации, автор выявляет критерии новых видов классификаций, которые обусловлены темой диссертационного исследования. Эти классификации актов имеют особые специфические черты, которые позволяют показать разносторонние возможности юридических форм закрепления и осуществления политики российского государства на Северном Кавказе на современном этапе.

Исторические аспекты развития юридической технологии остаются сегодня, пожалуй, наименее изученными. В России вопросы юридической технологии стали объектом исследования лишь в XIX в., в процессе кодификации российских законов. Автор считает, что изучение процесса становления и развития «юридической технологии», ее особенностей, является необходимым условием современного понимания этого правового явления.

В главе юридическая технология характеризуется как фундаментальный правовой феномен, сочетающий в себе как инструментальную, так и содержательную составляющую.

Под юридической технологией понимается процесс использования совокупности средств и методов, помогающих в соответствии с поставленной целью, с максимальной ясностью и эффективностью формулировать акт.

В работе рассматриваются вопросы, которые, по мнению автора, заслуживают особого внимания в ходе изучения юридической технологии актов Российского государства: формирование акта; понятия, используемые в акте; структура акта; логическое изложение; языковые и графические средства юридической технологии; способы связей с другими актами.

Во второй главе **«Акты Его (Ее) Императорского Величества как основа нормативно-юридической базы осуществления поли-**

тики России на Северном Кавказе» - рассматриваются акты первого лица государства – Его (Её) Императорского Величества: ***грамоты, высочайшие повеления, указы, рескрипты и положения.***

В работе выделяются как общие, так и специфические признаки актов Е.И.В. Акты Е.И.В. служили юридической основой для осуществления политики российского государства. Эти акты можно проследить на всех этапах освоения региона. Несмотря на многие общие черты, каждый вид акта, изданного императором, имел свои особенности.

В ***грамотах*** прослеживается связь между закреплением поощрительных, рекомендательных и императивных норм и укреплением международного авторитета, а также активизацией политики царизма на Северном Кавказе.

Данный вид акта был самым значимым на подготовительном и начальном этапах освоения региона, что, свидетельствовало о «высоком статусе» Северного Кавказа в геополитических устремлениях Российской империи.

Грамоты были обращены в большей своей массе непосредственно к населению или опосредованно к населению через местных владельцев, в то время как во многих других актах регулирование вопроса решалось путем поручения выполнить те или иные действия представителям царского самодержавия на местах.

Наиболее характерной чертой грамот являлось закрепление юридических установлений. Юридические установления применялись при утверждении владельцев «в наследственных и потомственных правах» того или иного народа. Использование подобного способа свидетельствовало, что на подготовительном и начальном этапах освоения Северного Кавказа законодатель в лице Е.И.В. проявлял особый такт и осторожность в осуществлении подготовки к мероприятиям в регионе.

Большую нишу среди актов первого лица государства занимали ***указы.*** Эти акты служили руководством к действию, основой для реализации мероприятий, проводимых представителями царского самодержавия на местах.

Классификации указов Е.И.В. (как традиционные, так и специфические) позволяют исследовать указы всесторонне и, главное, объективно оценить их роль в формировании юридической базы в регионе.

Анализ указов Е.И.В. показывает, что акты, касающиеся регулирования отношений в регионе в первой половине XIX в., адресованы Военному Министру и Командиру (Главнокомандующему) Отдельного Кавказского корпуса. Характер и содержательная часть этих актов свидетельствуют о превалировании военного метода разрешения вопросов на Северном Кавказе.[1]

Одной из главных черт указов Е.И.В. было закрепление диспозитивных норм. Предоставление права субъектам отношений регулировать возникающие вопросы по своему усмотрению имело большой смысл. Закрепляя диспозитивные нормы, законодатель тем самым позволяет учесть необходимые нюансы при осуществлении регулирования возникающих вопросов в регионе.

Указы Е.И.В. имели устойчивую структуру, где четко прослеживались системная организация ее элементов, их взаимосвязь и целостность.

Среди актов, издаваемых императором, самыми распространенными были ***рескрипты***. Это объяснялось тем, что император, как правило, регулировал рескриптами вопросы, требующие оперативного вмешательства, носящего разовый характер.

Как и в указах, в рескриптах можно проследить сочетание способов воздействия на субъекты отношений (рекомендательные, поощрительные, императивные).

Для выявления специфических особенностей данного вида акта в диссертации рескрипты классифицируются по степени конкретизации, по инициатору издания, по процедуре принятия, что позволяет раскрыть ряд вопросов, характеризующих политику России на Северном Кавказе.

Классификация рескриптов по инициатору издания является весьма важной. Можно четко проследить, с одной стороны, главных действующих лиц, которые предлагали свое видение той или иной проблемы и обращались с просьбой о необходимости юридического урегулирования возникающих отношений, с другой - можно проследить этапы формирования акта. Эта классификация также позво-

---

[1] ПСЗРИ № 19522. Т. XX, 1846 г.; № 19623. Т. XXI. 1847 г.; № 21227. Т. XXV. 1848 г.; № 13098. Т. XVI. 1841 г.; № 13419. Т. XV. 1840 г.; № 18687. Т. XX. 1845 г.

ляет увидеть реакцию местного населения на происходящие события в регионе в рассматриваемый период.

В процессе юридического обрамления политики России в регионе выделяется такой вид акта, как ***высочайшие повеления.*** Высочайшие повеления отличались цельностью и логической последовательностью. Высочайшими повелениями Е.И.В. регулировало вопросы, связанные с вхождением региона в административно-политическую систему Российской империи.

В работе приводится ряд высочайших повелений, принятие которых положило основу для кризиса традиционных общественных институтов Кабарды[1]. Как свидетельствуют архивные материалы, во многом это происходило по вине представителей царской администрации на местах, которые в целях экономии казны нередко пренебрегали спецификой горских обществ. Подобные процессы происходили и в других регионах Северного Кавказа и имели свои характерные особенности.

В этом разделе главы наглядно показано стремление царских властей использовать обычное право в качестве инструмента реализации проводимой политики. Высочайшие повеления свидетельствуют о деформации обычного права, которое, в связи с игнорированием особенностей его применения, теряло свои отличительные признаки.

В работе приводится анализ высочайших повелений, носящих ненормативный характер. Эти акты содержали нормы-поручения и были направлены на урегулирование конкретных вопросов.

Особый интерес в ходе осуществления политики российского самодержавия на Северном Кавказе имеют ***положения,*** утвержденые Е.И.В.

При детальном исследовании положения делятся на три большие группы.

К первой группе относятся акты, которые закладывают основы управления. Так, создание учреждения для управления Кавказской областью было основополагающим актом в сфере управления Кавказом. Предложенная структура власти была довольно сложная, но в тот же момент подробное закрепление прав и обязанностей, а

---

[1] Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Нальчик, 2000. С. 52–53.

также установление четкого порядка взаимодействия органов власти должно было, по мнению законодателя, принести свои плоды в организации управления регионом[1].

Ко второй группе относятся положения, касающиеся органов власти на местах. Интересным является то обстоятельство, что здесь можно увидеть создание как органов, призванных осуществлять мирное управление краем, так и органов, ориентированных на военное (силовое) управление[2].

К третьей группе относятся положения, закрепляющие организационные мероприятия, направленные на сближение горцев Северного Кавказа и народов Российской империи. В этих актах можно отметить такие мероприятия, как развитие торговли с горцами, обучение детей горцев, приобщение местного населения к русской культуре[3].

Положения принимались в основной и окончательный периоды освоения региона. Они отмечались детальным, комплексным регулированием различных сфер отношений и способствовали мирному сближению народов Северного Кавказа с Россией.

Акты Е.И.В. находились наверху иерархии актов и тем самым составляли фундамент юридической базы регулирования отношений в регионе в XVIII–XIX вв.

Эти акты можно проследить в течение всего периода освоения Северного Кавказа, что позволяет нам в динамике увидеть изменение целей проводимой политики и средств (способов) ее реализации. Акты первого лица государства позволяют проследить приоритеты в том или ином вопросе, решаемом в рамках мирных или военных способов освоения региона. Здесь же можно увидеть трансформацию юридической технологии актов самодержавия, стремление законодателя к принятию более совершенных актов.

Акты Е.И.В., посвященные освоению Северокавказского региона, уникальным образом сочетали в себе как императивные, так и

---

[1] ПСЗРИ, № 878. Т. II. 1830 г.

[2] ПСЗРИ, № 3691. Т. V. 1831 г.; № 21169. Т. XXII. 1848 г.; № 23948. Т. XXV. 1851 г.; № 10576. Т. XII. 1838 г.; № 15803. Т. XVII. 1843 г.; № 22689. Т. XXIII. 1848 г.; № 23001. Т. XXIV. 1860 г.

[3] ПСЗРИ, № 19708. Т. XXI. 1846 г.; № 22811. Т. XXIII. 1849 г., № 23807. Т. XXIV. 1850 г.

поощрительные способы воздействия на субъекты отношений. Превалирование одного способа воздействия над другим позволяет судить о прочности позиций самодержавия по целому ряду вопросов.

Характерной чертой актов Е.И.В. было сложное переплетение в одном акте норм и административных предписаний, которые дополняли друг друга, т.к. имели единый вектор регулируемых отношений. Акты этого уровня ярко свидетельствуют о деконцентрации власти. Монарх часто использовал предоставление «большой самостоятельности» чиновникам на местах. Подобный подход имел как положительные, так и отрицательные аспекты. С одной стороны, это способствовало оперативности решения возникающих вопросов. С другой стороны, использование данного подхода было нередко основой для произвола и безответственности должностных лиц, представляющих самодержавие на местах.

В третьей главе – **«Акты высших органов государственной власти Российской империи»** рассматриваются акты, которые по своему иерархическому уровню следовали после актов Е.И.В.. Они принимались как во исполнение актов императора, так и в рамках своей компетенции. Эти акты были призваны формировать юридическую основу для дальнейшей реализации политики России в регионе.

Акты высших органов власти в рассматриваемый период представлены актами ***Сената, Синода, Государственного Совета и Комитета Министров.*** Эти акты имели свои специфические особенности, которые менялись в зависимости от возложенных функций на органы власти.

Одну из главных ролей в регулировании процессов на Северном Кавказе сыграли ***акты Сената***. Среди актов Сената большое место занимают указы. Именно акты Сената широко использовались для реализации политики российского государства. Указы Сената носили как нормативный, так и ненормативный характер.

В целом необходимо отметить, что нормативных указов Сената в чистом виде было немного. В основном в указах органически сочетались общие нормы и административные предписания, носящие разовый характер.

Классификация указов, их юридическая технология позволяют проследить их эволюцию на всех этапах освоения северокавказского региона.

Во второй половине XVIII в., указы Сената, относившиеся к Се-

верному Кавказу, отражали мероприятия самодержавия по «точечному», с использованием поощрительных способов, регулированию вопросов в таких сферах отношений, как управление, религия, экономика, просвещение.

В основной и окончательный периоды освоения Северного Кавказа указы Сената оставались одним из распространенных актов в юридическом обрамлении политики царского самодержавия. Вместе с тем, необходимо отметить, что указы Сената в этот период значительно видоизменились. Данное обстоятельство было вызвано двумя причинами: с одной стороны, значительно изменились полномочия Сената, его роль и место в структуре органов государственной власти, а с другой, указы Сената теперь в большей степени носили императивный характер, что было вызвано укреплением позиций России в регионе.

Указы Сената в ходе освоения региона затрагивали вопросы административного и судебного характера. Анализ указов Сената позволяет проследить процесс закрепления на Северном Кавказе российской системы управления, и в первую очередь способы распространения законодательства Российской империи в регионе.

Среди актов Сената выделяются ведения Сената, которые позволяют проследить взаимодействие Сената с другими органами власти царского самодержавия[1]. Именно благодаря скоординированным действиям с другими органами власти Сенат закреплял четкие и имеющие практическую основу юридические нормы.

Закрепление юридических норм в актах Сената осуществлялось посредством их вкрапления в повествование, изложение регулируемых отношений. Повествовательный стиль имел как положительные, так и отрицательные аспекты. С одной стороны, повествование служило своего рода комментарием к нормам, с другой значительно размывало границу, которая должна была четко определять закрепленную норму.

Отличительной особенностью актов Сената на всем протяжении освоения Северного Кавказа можно считать детальное исследование регулируемых вопросов. Собственно подобный подход позво-

---

[1] Русско-осетинские отношения в XVII в. Орджоникидзе, 1976. С. 46, 256.

лял этому органу принимать акты, отличающиеся своей точностью, а самое главное – практической значимостью.

Особую, тематическую направленность имели ***акты Синода.*** Мероприятия Синода в ходе осуществления христианизации региона органически вписывались в рамки единой политики, которую проводило царское самодержавие в регионе.

Указы Синода, посвященные освоению Северного Кавказа, как правило, были адресованы Коллегии иностранных дел. В работе отмечается особенность этих актов, которая состояла в том, что предусматриваемые мероприятия должны были осуществляться с разрешения «тамошних главных командиров».

Указы Синода сочетали в себе как закрепление нормы, так и закрепление административных предписаний.

Так же, как и ведения Сената, акты Синода свидетельствуют о высокой степени координации действий этих органов власти. В исследовании выделяются две группы ведений: где Синод сообщал Сенату о принятом решении и где выходил с предложением Сенату принять необходимое решение в рамках своей компетенции.

В актах Синода прослеживается деление на акты, касающиеся духовных лиц, и акты, закрепляющие положения, регулирующие отношения в сфере распространения христианства среди местного населения. Если к духовным лицам Синод мог применять императивные нормы, то к местному населению были адресованы положения диспозитивного характера. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, несмотря на определенные издержки, позволило достичь самодержавию определенных положительных результатов в деле распространения христианства в регионе.

Среди актов высших органов власти, направленных на освоение Северного Кавказа, выделяются ***акты Государственного Совета и Комитета Министров.***

Акты указанных органов приобретали силу закона с момента утверждения Е.И.В.

Мнения Госсовета, как юридические акты, имели четкую структуру. В отличие от других актов они не содержали подробного описания обоснования принятия акта. Мнения Госсовета позволяют проследить юридическое закрепление вхождения региона в орбиту

Российской империи посредством установления конкретных методов (способов) управления.

Ярким свидетельством такого подхода были мнения Госсовета, которые закрепляли порядок решения того или иного вопроса на Кавказе, и в частности на Северном Кавказе, параллельно с другими регионами Российской империи[1].

Мнения Госсовета дают возможность проследить установление льгот горскому населению. Именно здесь видно, как самодержавие старалось урегулировать русско-кавказские торговые связи. Анализ актов свидетельствует, что местное население положительно воспринимало данные мероприятия, т.к. установление благоприятного режима способствовало развитию торговли именно с Россией, нежели с другими сопредельными странами.

В работе отмечается особенность мнений Госсовета – наличие толкования и пояснения к нормам. Автор считает, что это обстоятельство способствовало более четкому восприятию акта, а главное – точности его применения.

В рамках изучения актов высших органов власти царского самодержавия, посвященных освоению Северного Кавказа, в диссертационном исследовании рассматриваются акты (положения) Комитета Министров.

В работе выделяются две формы решений Комитета Министров, которые после утверждения Е.И.В. приобретали силу закона: принятие решения на основе доклада (записки) и утверждение непосредственно самого доклада (записки). Обе формы позволяли законодателю, несмотря на некоторые недостатки (расплывчатость закрепления нормы), отразить детали принимаемого решения.

Анализ актов Комитета Министров, посвященных освоению Северного Кавказа, показывает, что инициаторами докладов (записок) были министр внутренних дел, министр государственных имуществ и министр финансов.

В целом исследование этих актов позволяет увидеть сам процесс принятия решения. Здесь можно проследить взгляд того или иного должностного лица в ходе обсуждения акта. Анализ положений Комитета Министров ярко свидетельствует, что нередко для дости-

---

[1] ПСЗРИ, № 3430. Т. V. 1831 г.; № 9130. Т. XI. 1837 г.; № 19057. Т. XX. 1846 г.

жения позитивного результата должностные лица допускали возможность применения «временных изъятий в действующих законах» в пользу народов, населяющих Северный Кавказ[1].

Вступление политики российского государства на Северном Кавказе в решающую фазу не могло не сказаться на характере этих актов, которые имели много общего. Характерной особенностью этих актов по праву можно считать выверенность принимаемых решений, направленных на окончательное вхождение региона в состав Российской империи.

Четвертая глава – **«Акты центральных органов государственного управления Российской империи»**. В процессе осуществления политики России на Северном Кавказе эти акты занимают заметное место. Они были направлены на осуществление политики в определенной сфере отношений. Их изучение позволяет проследить регулирование вопросов в регионе по отдельным направлениям, а суммируя эти направления, представить себе комплексную картину событий, отраженных в актах центральных органов власти.

В архивных материалах, посвященных освоению Северного Кавказа, наряду с другими актами отраслевых государственных органов выделяются ***акты Коллегии иностранных дел.*** В работе обосновывается причина подобной ситуации. Если акты других коллегий (Берг-коллегии, Штатс-коллегии) были посвящены конкретным вопросам (разведывательные экспедиции, утверждение штатов, финансирование и т.д.), то акты Коллегии иностранных дел носили общий характер. Такое преобладание объясняется и тем, что на начальном этапе все вопросы, связанные с освоением Северного Кавказа, происходили в очень напряженной обстановке с сопредельными региону державами (Турция, Иран, Крымское ханство). Это обстоятельство требовало тонкого дипломатического подхода к решению поставленных задач.

Указы Коллегии иностранных дел в работе классифицируются по адресату. Такая классификация позволяет выделить акты, направленные должностным лицам органов власти на местах, и акты, направленные командованию регулярных войск на Северном Кавказе.

Указы, адресованные должностным лицам, которые, по мнению Коллегии иностранных дел, должны были стать проводниками рос-

---

[1] ПСЗРИ № 3759. Т. V. 1831 г.

сийской политики в регионе, затрагивали различные сферы отношений. Так, указами от 19 мая 1753 г., 31 августа 1756 г., 29 ноября 1760 г. закреплялись нормы отражающие проведение осторожной политики в северокавказском регионе в связи с напряженной международной обстановкой.

В исследовании нашли отражение и вопросы, связанные с недовольством Коллегии иностранных дел по поводу приезда на Кавказ римских патеров, а также неудовлетворительной работой Осетинской духовной комиссии (указы от 29 августа 1765 г., 5 ноября 1767 г.)

Что касается указов Коллегии, направленных командованию регулярных войск на Северном Кавказе, то они четко отражают конкретные способы воздействия местного военного командования на отдельные народы Северного Кавказа.

Рескрипты Коллегии иностранных дел сохранили интереснейшие факты, свидетельствующие о политике самодержавия по отношению к народам Северного Кавказа, которая была основана исключительно на отношении местного населения к проводимым мероприятиям.

Исследование указов и рескриптов свидетельствует о том, что большинство из них были приняты на основании обращений должностных лиц. Подобный способ формирования акта способствовал более эффективному принятию решения, т.к. инициатор письма, как никто другой, ориентировался в возникшей ситуации. Более того, можно проследить определенную зависимость: если акт принимался на основе обращения (инициативы) должностного лица, то и преамбула к данному акту была более содержательная, с описанием конкретной ситуации, а нередко и с мнением самого инициатора.

Акты Коллегии иностранных дел наглядно демонстрировали, что, несмотря на сложные отношения Российской империи с другими державами, самодержавие продолжало, хоть и с определенной долей осторожности, проводить активную политику в регионе.

Среди актов центральных органов власти особо выделяются ***акты Кавказского комитета***. Кавказский комитет являлся особым органом, учрежденным в 1845 г. в связи с введением на Кавказе общероссийской системы управления. Этому Комитету предшествовал ряд временных комитетов по разработке и введению на Кавказе гражданского управления (1833–1845 гг.). Со временем Кавказский комитет стал постоянным органом, руководившим граж-

данской российской администрацией на Кавказе. Кавказский комитет был органом, который принимал решения, носящие межведомственный характер.

Акты Кавказского комитета имели свое особенное строение: преамбула – утверждение представленного доклада (записки) – «высочайшая помета» Е.И.В. – изложение основных моментов доклада. Данная структура позволяет увидеть, что принятию решения предшествовала тщательная проработка вопроса, учет мнения всех ведомств и должностных лиц, имеющих отношение к регулируемым вопросам.

Акты Кавказского комитета свидетельствуют о координации деятельности нескольких ведомств и должностных лиц. В зависимости от ситуации в актах Кавказского комитета прослеживается гибкий, осторожный, взвешенный подход законодателя к процессам, происходящим на Кавказе.

В этом ракурсе в первую очередь в работе выделяются акты Кавказского комитета, регулирующие вопросы торговли. В актах прослеживается тот факт, что власти придавали большое значение этой сфере отношений, отмечая, что торговля позволит «... приобресть доверие горцев, приучив их к мирным сношениям с нами, показать совершенную необходимость сих сношений и тем содействовать усмирению и покорению их».

Так же, как и во мнениях Госсовета, в целях осуществления проводимой политики законодатель на основе изучения вопросов мог пойти на уступки и внести «временные изъятия» в действующее законодательство для создания благоприятных условий для горцев.[1] При этом в актах неоднократно отмечалось, что льготы даются народам Северного Кавказа не по какому-либо особому праву, а в виде временной меры, направленной на приобщение горцев к российскому законодательству. Убеждены, что подобный подход способствовал формированию положительного отношения горцев к проводимым мероприятиям в регионе и их адаптации к российской системе управления.

Анализ положений Кавказского комитета позволил прийти к выводу, что эти акты стали важной вехой в формировании юридиче-

---

[1] ПСЗРИ, № 19139. Часть II дополнения, 1855 г.; № 21586. Т. XXII. 1848 г.

ской базы, направленной на осуществление политики, проводимой царским самодержавием в основной период освоения Северного Кавказа.

В пятой главе – **«Акты представителей Российской империи на Северном Кавказе»** указывается, что данные акты находились в самом низу иерархии актов органов власти, посвященных освоению Северного Кавказа. Они принимались как самостоятельно для регулирования различных сфер отношений, так и во исполнение актов, имевших более высокую юридическую силу. Необходимо отметить, что эти акты имели весьма сложную, разнообразную по юридической природе направленность. В системе актов органов государственной власти эти акты являлись самыми многочисленными и были направлены на оперативное и конкретное регулирование складывающихся отношений.

Главной особенностью этой группы актов являлось то обстоятельство, что именно они демонстрировали практическую реализацию проводившейся политики. Этими актами царизм имел возможность посредством своих представителей на местах учесть множество особенностей, которые не могли быть охвачены актами вышестоящих органов.

Среди актов, издаваемых представителями Российского государства, особого внимания заслуживают ***инструкции (правила, положения, условия).*** Эти акты рассматриваются в динамике применительно ко всему периоду освоения северокавказского региона.

На начальном этапе освоения региона инструкции представляли собой административные предписания, адресованные конкретному должностному лицу. По мере укрепления позиций самодержавия в регионе, в основной и окончательный этапы освоения Северного Кавказа, инструкции (правила, положения, условия) значительно трансформировались. Прежде всего, необходимо отметить, что, наряду с должностным лицом в качестве адресата, в большом количестве появлялись инструкции, адресованные местному населению Северного Кавказа.

На основе этих актов, извлеченных из архивных фондов, в работе демонстрируется трансформация способов воздействия на субъекты отношений, что выражается в увеличении императивных норм, а также в переходе от разовых административных предписаний к комплексному регулированию вопросов в целях реализации приоритетных направлений проводимой политики.

При исследовании содержательной части актов особое внимание в работе уделяется вопросам, посвященным меновой торговле[1].

Изучение основополагающих правил торговли и должностных инструкций позволяет проследить целую серию приемов одного из мирных способов освоения Северного Кавказа. Более того, это позволяет проследить поэтапное решение вопроса, выход одного акта из другого и их иерархическую связь.

Особый пласт инструкций, рассматриваемый в данной главе, посвящен переселению горцев. В работе раскрываются способы переселения, а также стремление царских чиновников ускорить решение этого вопроса. Здесь же прослеживаются договорные отношения, связанные с переселением горцев, как в другие районы Российской империи, так и в пределы Турции.

В ряду актов представителей Российской империи в исследовании выделяются ***предписания.***

Необходимо отметить, что эти акты больше других встречаются в фондах центральных и региональных архивов. Если многие акты можно наблюдать в какой-то из периодов освоения региона (или наблюдать их увеличение или уменьшение), то предписания в целом сохранились в архивах относительно ровно на протяжении всего периода освоения Северного Кавказа.

В зависимости от конкретной ситуации, предписания имели свои специфические особенности. Так, в подготовительный период предписаний, носящих военный характер, практически не было. В основном принимались акты, закрепляющие меры стратегического характера, направленные на безопасность южных рубежей[2].

Усиление международного авторитета позволило России приступить к главной фазе освоения Северного Кавказа (Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г., Ясский мирный договор 1791 г.). Увеличивается количество вопросов, регулируемых представителями Российской империи на местах.

В основной период освоения региона в предписаниях широкое

---

[1] ЦГА КБР. ф. И-16. оп. 1. д. 516. л.л. 2 – 3 об.; д. 1. л.л.. 7–8 об.; л.л. 9–9 об.; л. 10.; л.л.. 11–11об.; л. 12.

[2] ЦГА ДАССР. ф. 379. оп. 1. д. 158. л. 151; ф. 379. оп. 1. д. 409. л. 43 // Русско-дагестанские отношения в XVII – XIX вв. М., 1988. С. 82, 90.

распространение получают императивные нормы, направленные преимущественно на силовое решение вопроса[1].

В этот период непосредственно волеизъявление представителей Российской империи можно проследить по двум направлениям:

– осуществление военных экспедиций и связанные с ними подготовительные мероприятия;

– юридическое закрепление реализации политики царизма по отношению к различным слоям местного населения (особенно политика по отношению к «простому народу»).

Наряду с военными (силовыми) методами по новому «зазвучали» мирные способы освоения региона. В этот период они, как правило, затрагивали отношения внутри горских обществ. На примере этих предписаний можно проследить реализацию царским командованием политики «разделяй и властвуй». Так, в предписаниях наглядно видно, что царизм вел «двойственную политику» с владельцами, противопоставляя их зависимому населению. Каждое предписание, где регулировались отношения с «простым народом», отражало новые грани проводимой царизмом политики.

В окончательный период освоения региона предписания представляли собой императивное волеизъявление царской администрации по установлению российского владычества в регионе. Предписания этого периода можно четко разделить на процессуальные и материальные, где процессуальные предписания представляют собой правила по осуществлению переселения горцев в Турцию или за Кубань и правила по осуществлению заселения региона казаками; и материальные предписания, которые применялись при разрешении конкретного вопроса по укреплению позиции царизма в регионе.

Представители Российской империи на местах умело сочетали

---

[1] Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Нальчик, 2000. С. 259.; ЦГИА Гр. ССР. ф. 16. д. 687. л.л. 17–44 // История Юго-Осетии в документах и материалах (1800–1864 гг.). Сталинир, 1960. Т. 2. С. 262–263.

как переселение местного населения, так и заселение региона казачеством. В зависимости от ситуации в предписания вносились изменения и дополнения, которые реально отражали все оттенки регулируемых отношений.

В главе выделяются и другие акты представителей Российской империи на местах: ***прокламации, наставления, приказы***. Эти акты, принимаемые царскими чиновниками, также были направлены на претворение в жизнь политики царского самодержавия. В работе анализируются наиболее яркие акты, которые наглядно демонстрируют способы реализации проводимой царизмом политики. Так, в работе рассматривается серия ***прокламаций,*** обращенных кабардинскому народу. Анализ этих актов показывает, что царская администрация стремилась поддерживать противоречия между владельцами и «простым народом», распространять ответственность за отклонение от установленных положений на всех членов общества (рода, села), установление штрафа за пособничество «хищническим партиям».

Особое внимание при изучении ***наставлений*** в работе уделяется актам, отражающим создание Кабардинского временного суда. Эти акты помогают увидеть, как происходило приспособление обычного права к российскому законодательству и его влияние в новом качестве на традиционные институты народов Северного Кавказа.

Приказы, представленные в работе, проливают свет на окончательные меры царского самодержавия по административному устройству региона.

В **заключении** автор подводит итоги диссертационного исследования, формулирует выводы, оценивает перспективы использования выводов работы для формирования правовой политики России на Северном Кавказе на современном этапе.

По **теме диссертационного исследования** опубликовано 28 работ, общим объемом **40,91 п.л.**, в том числе 3 монографии общим объемом – **27,72 п.л.**

1. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX века: политико-правовой аспект. Нальчик: Эльбрус, 2003. – **7,98 п.л.**

2. Теоретические аспекты изучения юридических форм политики Российского государства на Северном Кавказе (XVIII–XIX вв.). Нальчик: «Полиграфсервис и Т», 2004. – **3,15 п.л.**

3. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов-на-Дону.: СКАГС, 2005. –**16,59 п.л.**

4. Высочайшие повеления ЕЕ Императорского величества как главная форма юридического обрамления политики Российского государства в Кабарде в области судоустройства (конец XVIII в.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2001. № 4. – **0,4 п.л.**

5. Предписание – как первичное звено юридического обрамления колониальной политики России на Северном Кавказе // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 2. В 2-х т. Т. 1. М., 2002. – **0,62 п.л.**

6. Предписание как главная форма юридического обрамления колониальной политики царизма на завершающем этапе Кавказской войны. (1859–1864) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2002. № 3. – **0,54 п.л.**

7. Указы Сената – как правовая основа реализации политики России на Северном Кавказе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв. // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на Северном Кавказе. Нальчик, 2002. – **0,4 п.л.**

8. Роль предписаний в правовой системе актов колониальной политики царизма (1815–1859) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2003. № 3. – **0,65 п.л.**

9. О юридическом обрамлении колониальной политики России на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект (на примере грамот ЕГО (ЕЕ) Императорского Величества) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2003. № 3. – **0.56 п.л.**

10. К вопросу классификации рескриптов Е.И.В. в свете осуществления колониальной политики России на Северном Кавказе XVIII–XIX вв.) // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 3. В 3-х т. Т. 1. М., 2003. – **0,41 п.л.**

11. К вопросу юридического обрамления колониальной политики Российского государства в правовых актах царского самодержавия: историко-правовой аспект // Научные труды Российская академия юридических наук. Вып. 4. В 3-х т. Т. 1. М., 2003. **-0,2 п.л.**

12. Акты Синода как правовая основа распространения христи-

анства на Северном Кавказе // Северо-Кавказский юридический вестник. 2004. № 4. – **0,6 п.л.**

13. Правовая политика как основа осуществления геополитических устремлений России на Северном Кавказе (XVIII–XIX вв.) // Адыгская (Черкесская) международная академия наук. Образование. Наука. Творчество. 2004. № 4(5) – **0,3 п.л.**

14. Акты Комитета Министров как правовая основа реализации политики России на Кавказе (XIX в.) // Юристъ-правоведъ. 2004. № 2(9).- **0,7 п. л.**

15. К вопросу изучения правовых актов представителей царского самодержавия на Северном Кавказе XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект. Политика и Общество. № 5. 2004. – **0,5 п.л.**

16. Вопросы историографии освоения Северного Кавказа Российской империей в XVIII–XIX вв. Политика и Общество. № 6. 2004. – **0,43 п.л.**

17. Место и роль актов центральных органов власти царского самодержавия в процессе освоения Северного Кавказа Россией (XVIII–XIX вв.). Нальчик: «Полиграфсервис и Т», 2004. – **2,08 п.л.**

18. Место и роль актов Кавказского комитета в процессе освоения Северного Кавказа Россией (XIX в.) // Вестник Дагестанского научного центра. 2004. № 19. – **0,4 п.л.**

19. К вопросу об изучении форм и источников права // Юридические науки. 2005. № 1 (11). – **0,18 п. л.**

20. Историко-правовые аспекты изучения политики России на Кавказе (XVIII–XIX вв.) // Современные гуманитарные исследования. 2005. № 1(2). – **0,12 п. л.**

21. К вопросу понятия форм и источников права (в контексте изучения юридических форм политики России на Северном Кавказе XVIII–XIX вв.) // Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов, и молодых ученых «Перспектива-2005». Нальчик, 2005. – **0,45 п.л.**

22. Правовые акты Сената как основа реализации политики России на Северном Кавказе // Юристъ-правоведъ. 2005. № 3. – **0,9 п.л.**

23. К вопросу классификации Указов Его(Ее) Императорского Величества, посвященных освоению Северного Кавказа (XVIII–XIX вв.) // Правосудие как институт обеспечения прав и свобод че-

ловека и гражданина: Материалы Междунар. науч.- прак. конф. студ.. асп. и мол. ученых. Новгород, 24–26 марта 2005 г. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2005. – **0,1 п.л.**

24. Инструкции представителей царского самодержавия на Северном Кавказе как нормативно-правовые акты (XVIII–XIX вв.) // Отечественные архивы. 2005. № 5. – **0,7 п.л.**

25. К вопросу изучения Актов Синода – как правовой основы распространения христианства на Северном Кавказе (XVIII вв.) // Религия и право 2005. № 1. – **0,46 п. л.**

26. Наставления как особая форма реализации политики России в Кабарде в XVIII–XIX вв. // Юридический аналитический журнал. 2005. № 1–2. – **0,33 п.л.**

27. Классификация указов Его Императорского Величества по освоению Северного Кавказа методом правового регулирования.// Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2005. № 1. – **0,33 п.л.**

28. Высочайшие повеления Его (Ее) Императорского Величества как один из видов акта царского самодержавия в процессе осуществления политики России на Северном Кавказе // Исторический Вестник. Вып. 2. Нальчик, 2005. – **0,83 п. л.**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Подписано в печать 27.10.05. Объем 2,2 п.л.
Тираж 150 экз. Заказ № 69/10
344002, г. Ростов н/Д, Пушкинская, 70, СКАГС